

Отзыв

официального оппонента на диссертацию Андропова Ильи Евгеньевича «МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛЕМИКА В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XVI ВЕКА», представленной к защите на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.09 историография, источниковедение и методы исторического исследования.

К числу самых сложных и в то же время притягательных тем из области европейской истории раннего нового времени, бесспорно, следует отнести историю идей. Реформация и религиозный раскол, поразившие до той поры единый христианский универсум, повлекли серьезные сдвиги в самых разных сферах интеллектуальной жизни европейского общества. Борьба за оправдание религиозного выбора спровоцировала переосмысление христианского прошлого и тем самым положила начало новому витку изучения истории Церкви в условиях формирования новых религиозно-культурных сообществ. Потому тема возникновения и развития нового конфессионального историописания всегда выступала важной составляющей европейских и особенно германских штудий.

Однако до сих пор сравнительный анализ главных памятников противоборствующих партий оставался во многом лишь желанной целью, «дезидератой» историков. Казалось бы, много написано и известно о Матфее Флации и его главном детище «Магдебургских центуриях». Недавнее исследование М. Полиха, вроде бы, закрывает важную лауну сравнительного анализа немецкой протестантской историографии XVI - начало XVII вв.. Есть и солидные исследования, посвященные творчеству тридентских католиков, в том числе, и «Анналам» Цезаря Барония. Но до сих пор не было серьезных попыток сравнить и сопоставить интеллектуальную продукцию обоих лагерей. И в этом смысле представленный труд имеет исключительную важность: он выступает актуальным в свете новейших историографических течений и формирует первый крупный опыт современной отечественной историографии в указанном направлении.

Задача, поставленная автором, безусловно, трудна и по охвату материала и по его анализу. Исследование предтеч, самих текстов, структурный анализ и построение типологических линий всегда выступали своеобразной лакмусовой бумажкой мастерства историка. Кроме того, изучая внушительный корпус памятников, автор обязан был иметь добротное представление о социально-политическом контексте их возникновения. В

этом смысле историку текста всегда трудней: он словно бы решает двойную задачу – «дешифровывает» сам памятник и постоянно оглядывается на социально-духовную среду, в которой тексты созидались.

Представляется, что автор колоссальными усилиями справился с поставленными задачами. Диссертация И.Е. Андронova выступает цельным, законченным исследованием, с ясно поставленными и в целом успешно решенными задачами.

К числу главных задач диссертанта входило исследование историографической ситуации, сложившейся вокруг изучения церковной истории в эпоху Реформации и начальных фаз конфессионализации, выявление характерных черт позднесредневековой историописательной традиции в контексте церковной истории и непосредственно предшествовавшей созданию «Центурий» фазы гуманистического историописания. Наконец, анализ самих памятников - «Центурий» Флация и его команды и церковных «Анналов» Цезаря Барония в рамках католической и протестантской духовной культуры на отрезке от открытия Тридентского Собора и до начала XVII в.

Итоговой задачей автор видел выявление характерных черт, отличавших форму и метод протестантской и католической традиции в создании церковных историй и их значение для конфессионального общества Европы раннего нового времени.

Во вводных разделах диссертант показал себя прекрасным знатоком современной историографической ситуации. И.Е. Андронову удалось показать основные точки зрения европейских историков с особым вниманием к германской и итальянской историографической традиции. Здесь подкупает обстоятельность: диссертант склонен подробно анализировать труды предшественников, показывать стадии генезиса и развития тех или иных идей. Оправданно большое внимание даровано немецкой традиции изучения истории церкви в веке Просвещения и особенно в XIX столетии, прежде всего Тюбингенской школе и Фридриху Христиану Бауру, бесспорно, внесшему самый заметный вклад в теоретическую дискуссию о церковной истории. Следует также отметить стремление диссертанта не только ограничиться перечнем работ или соскользнуть лишь на их чисто содержательный анализ, но и увязать творчество историков с духом эпохи. Иными словами видеть за точкой зрения движение самой истории.

Автор демонстрирует и добротное знание латыни, без которого невозможно сколь-нибудь серьезное изучение указанных памятников. Чувствуется, что за текстовым анализом стоят годы упорного труда. В большинстве случаев приведенные переводы текстов выполнены вполне корректно.

Совершенно логично большой раздел адресован гуманистической традиции конца XV – первой половины XVI в. И.Е. Андронов справедливо отмечает важность наметившихся тогда перемен. В центре внимания автора – творчество целого ряда авторов с главным вниманием к Беату Ренану и Себастьяну Франку. На примере анализа их сочинений диссертант показывает типичные черты ренессансной и гуманистической историографии, хотя и унаследовавшей все ещё заметный массив позднесредневековых идей, но все же подготовившей качественно новый скачок. И.Е. Андронов видит главные достижения ренессансной традиции прежде всего в рождении секулярной истории, во многом преодолевавшей средневековую точку зрения. Прав диссертант и в том, что Лютер не был автором сколь ни будь завершенных воззрений на саму историю и её хронологию, что осмысление раскола во всемирно-историческом значении станет объектом внимания лишь протестантов «второго поколения».

Но, безусловно, лучшие разделы диссертации дарованы фигуре Флация, его трудам, процессу создания и анализу самих «Магдебургских центурий». Они формируют идейный фокус всего исследования и представляются с методологической и собственно исследовательской точки зрения самыми обстоятельными. Автор внимательно прослеживает жизненный путь главного творца «Центурий», привлекая труды немецких, хорватских и итальянских историков. Обстоятельно рассматривается круг тех лиц, в который оказался вовлечен Флаций по прибытию в Германию, сеть его социальных контактов. Последующий анализ текста «Центурий» не выступает у И.Е. Андронина некой оторванной от социальной природы частью: диссертант тщательно анализирует и авторский почерк отдельных частей, и судьбы самих участников масштабного проекта.

Большую важность приобретает здесь и исследование «паратекстов», сопровождавших издаваемый материал. Значение проблемы «паратекста» в области изучения источников диссертант крупным планом обозначает уже во введении, а затем последовательно демонстрирует на примере как «Центурий», так и «Анналов» Барония. В фокусе внимания оказываются прежде всего посвящения, которые позволяют определить круг патронов проекта и потенциальных финансовых доноров (С. 231 сл.) Взаимосвязь финансирования «Центурий» и содержание посвящений автор весьма убедительно выстраивает в определенную линию, указывающую на острую нехватку средств самих издателей.

В этой связи хотелось бы отметить и ещё одну выигрышную сторону работы: она обращена не только к изучению текста, но и издательского дела в целом, в том виде, в каком оно практиковалось в немецких землях

реформационной поры. Перед нами не только исследование идейной нагрузки литературных памятников, но и их форм, способов технического воспроизводства.

Широко привлечен и неизданный материал: диссертант показывает хорошее знакомство с архивными собраниями, позволяющими восстановить, в том числе, содержание так и неопубликованных завершающих томов «Центурий» и замыслы авторов. На помощь диссертанту здесь приходит, конечно же, герцогская библиотека в Вольфенбюттеле, знаменитые папки Иоганна Виганда, тщательному анализу содержимого которых дарован почти целый раздел (С. 288 сл.). Включение подготовительного материала Виганда в исследовательскую канву позволяет придать анализу «Центурий» и работы над ними завершённый вид, показать размеры преемственности первоначальной идее.

Анализ самих «Центурий» хорошо структурирован, отличается глубиной и авторской эрудицией. И.Е. Андронов постоянно и справедливо подчеркивает иной методологический подход, иной угол зрения, который был свойственен протестантскому проекту в отличие от предшествовавшей традиции: взгляд на Церковь как первоначально единую духовную и институционную сферу, которой суждено противостоять происками зримой ипостаси Антихриста в лице римских пап. Диссертант убедительно показывает широкое пространственное понимание первоначальной Церкви у авторов проекта, включавшего западные и восточные земли Империи и вообще не акцентировавшего имперские границы как конфессиональные (С. 250 сл.). Несомненно, так легче было показать последующий «перекос», узурпацию пасторских функций епископами Рима на Западе. Церковь оказывается под ударами «изнутри» и «извне» - со стороны язычников и позже - магометан.

Диссертант справедливо отмечает, что авторы «Центурий» прошли мимо привычных нам династических коллизий в Западной Римской Империи V в. (С. 245), сфокусировав внимание лишь на духовном аспекте: ««Антихрист как бы зачал внутри себя нечто, что в последующем столетии вышло подобно созревшему плоду». Имелось в виду возвышение римских епископов в том веке. Добавим, впрочем, что хотя хронология порчи Церкви здесь не ассоциировалась у авторов с началом среднего века, но, однако, позже именно этот период вместе с Обращением св. Константина станет точкой отсчета средней истории в трудах протестантских авторов. В этом мы должны видеть своеобразный вклад «Центурий» в становление последующей периодизации всемирной истории.

Последняя глава диссертации дарована анализу «Анналов» Барония. Но ещё более ценным нам представляется раздел, посвященный трудам

католических историков – предшественников Барония и современников Тридентского Собора: Бухингера и св. Петра Канизия (с. 328 сл.) Их творчество, довольно хорошо известное немецкой историографии, почти совершенно незнакомо отечественной аудитории. Диссертант подробно информирует нас с обстоятельствами появления их трудов и с особенностями обработки материала: риторика и иерархия локусов играли здесь определяющую роль. В разделе же о жизненном пути самого Барония убедительно подчеркнута определяющее влияние на него св. Филиппа Нери и вместе с тем – всего духа тридентского католицизм (С. 385 сл.).

Исследование самих «Анналов» позволяет диссертанту постоянно подчеркивать принципиальную разницу в подходах в сравнении с протестантскими «Центуриями»: априорно заданная концепция Единой Церкви, живущей в столетиях, «длительное тождество Церкви самой себе» (с. 413). Этот тезис исключал в принципе спор о догме, позволяя Баронию сосредоточиться лишь на внешней истории Церкви как института.

Выводы автора согласуются с поставленными задачами, логичны и подкреплены солидной доказательной базой. Отметим и стиль работы: далеко не всегда встречаешь диссертации, в которых изложение сложного материала следует на хорошем литературном языке с минимальным использованием иноязычных синонимов.

Укажем, впрочем, и на явные огрехи в диссертации И.Е. Андропова. Совершенно ошибочным и странным выглядит тезис о том, что «Центурии» стали «первым сочинением, авторы которого разрабатывали научные методы работы с источниками, свободные от давления идеологии» (С.4). Мало того, что это утверждение, надлежащее быть доказанным, выставлено уже готовым выводом в самом начале работы – сам диссертант в анализе «Центурий» старательно его опровергает, справедливо видя в «Центуриях» прежде всего продукт протестантских воззрений. Идеология была представлена здесь в полной мере!

Во вводных разделах автор заявляет о намерении сознательно уклониться от подробного анализа социально-политического климата, в котором рождалась новая протестантская историография. Тезис, верный в целом, опасен, однако, своим злоупотреблением. Диссертации явно не хватает крупного раздела о состоянии протестантской Германии на стыке 40 и 50-ых гг. Между тем, этот отрезок имел принципиально важное значение для развития духовного мира немецкого лютеранства и прямым образом повлиял и на Флация и на идейное содержимое «Центурий». Идеологический климат, спровоцированный началом Первой Шмалькальденской войны (1546 – 1547 гг.), сильнейшим образом формировал мировоззрение лютеран второго поколения. Сами

современники рассматривали войну началом вселенского Армагеддона, воплощением того, о чем пророчил покойный Лютер – скорой развязки и Второго пришествия. С особой силой одушевленность борьбой предстанет в лютеранской пропаганде в Магдебурге, который был осажден императорскими войсками в 1550 – 1551 гг. и стал символом торжества евангельского духа. В городе обретут прибежище сотни проповедников со всей Германии, и будет издано множество памфлетов, излагавших современность как пролог неизбежной победы над Антихристом. Именно апокалиптика станет ядром мировоззрения ортодоксальных лютеран. Флаций, вовлеченный в круг героев магдебургской осады, впитал не просто лютеранские воззрения на ход брэнной истории, но и ту духовную экспрессию, которой жили сторонники Лютера, пережившие две Шмалькальденские войны.

Между тем, диссертант лишь вкратце упоминает монографию Т. Кауфманна (2003 г.) о магдебургской публицистике 1550-1551 гг. (С. 162), нет отсылок на исследование О.К. Олсена «Теология революции: Магдебург в 1550- 1551 гг.», изданное ещё в 1972 г. За пределами внимания остался и целый ряд работ, посвященный лютеранской литературе в годы Шмалькальденских войн, выполненных в начале 2000-ых гг. группой ученых из Тюбингенского университета во главе с проф. А. Шиндлингом.

Вполне можно было бы сократить раздел о творчестве Эньяцио (С. 152 – 161), дабы даровать хотя бы несколько страниц обзору того духовного движения, которое переживало немецкое лютеранство в конце 40-ых гг.

Упущение это особенно серьезно тем, что не позволяет диссертанту акцентировать Флация как представителя прежде всего лютеранской ортодоксии, вождя «гнезиолютеранского» направления, восторжествовавшего позже при подписания Формулы Согласия. Именно апокалиптика, столь свойственная ортодоксам, во всем блеске предстанет на страницах «Центурий»: от века в век Антихрист все более являет свою силу и соблазн, но тем ближе – от века в век – Пришествие и пролог его – последнее обращение к Завету, возвещенное доктором Лютером. Апокалиптические мотивы «Центурий» почти никак не затронуты в работе.

Вообще диссертант старательно избегает анализа партийных пристрастий Флация, выставляя его лишь духовным патроном, главным мотором издательского проекта и даже жертвой шумной кампании устроенной против него сторонниками Меланхтона. Автор лишь констатирует свое согласие с точкой зрения Т. Кауфманна об отсутствии на Флация решающего влияния Меланхтона (С. 162), но никак её не аргументирует и не развивает.

Расхождения Флация со сторонниками Меланхтона – «филиппистами» – имели, между тем, глубокие корни и восходили к спорам вокруг второй редакции Аугсбургского исповедания 1540 г., к трактовки целого ряда догматов, сближавших Меланхтона с Кальвином. Ортодоксы не могли простить ему отступничества ни при жизни, ни после смерти. Флаций же постоянно в своих воззрениях эволюционировал в сторону именно ортодоксального направления, особенно оказавшись в землях эрнестинских Веттинов, остро переживавших катастрофу 1547 г. Этот аспект «ортодоксальности» Флация остался в диссертации совершенно нераскрытым, о конфликте его с Вигандом говорится лишь вкратце. То что авторы последних «Центурий» не обращались за поддержкой к «кальвинианам» было совершенно очевидно: невозможно пользоваться услугами врагов веры.

Относительно причин затухания работы над «Центуриями»: они были связаны не только с финансовыми трудностями, богословскими распрями, уходом Флация и творческим одиночеством Виганда, но и с новыми духовными веяниями. В наступившей эре ортодоксии пользовалась спросом прежде всего литература для широких кругов мирян на родном языке, потребная задачам правильного воцерковления. Тон задавала и память о самом Лютере, всегда предпочитавшего немецкий латыни. Пышная ученая латынь смущала и не увлекала, прочно ассоциируясь со зловерными кознями «криптокальвинистов» и сектантов. Ход священной истории был давно уяснен, и в проповедях ортодоксов обретал лаконичный и эмоциональный окрас, вполне достаточный для широкой аудитории. Автору здесь следовало бы теснее связать прекращение работы над «Центуриями» с особенностями лютеранской конфессионализации на рубеже веков.

В этой связи несколько иначе предстают и посвящения отдельных томов «Центурий». Разумеется, речь шла о престиже издания и тактичной просьбе о деньгах. Но не только. Круг тех немецких династов, к которым обращался Флаций и его единомышленники, очень характерен: он представляет главным образом группу сторонников ортодоксии, «гнезиолютеран», что видно на примере прежде всего обращения к тюрингской знати, к вассалам Эрнестинов. Тем самым маркировалась религиозно-партийная принадлежность самих авторов.

Диссертант в центральных разделах диссертации неоднократно связывает позиции протестантских авторов «Центурий» с процессами в католическом лагере, в том числе и с Интеримом. Напомним, однако, что Интерим как юридическое состояние временного компромисса между протестантами и католиками фактически был упразднен уже в статьях Пассауского договора

1552 г., и в полной мере – в решениях Аугсбургского рейхстага 1555 г. С этого момента лютеранские подданные императора не имели никаких обязательств в церковно-правовом отношении перед католической стороной. Решения Собора с этой точки зрения их более не интересовали.

Вкрались в текст и обидные опечатки: Иоганн Фридрих величается курфюрстом Саксонии в 1553 г. (С. 175), хотя на тот момент курфюршество юридически уже давно было передано Альбертинам. Бургомистр Магдебурга Алеманн обозначен почему-то консулом в соответствии с латинской транскрипцией (С. 169), совершенно не нужной в современном научном переводе. Кронпринц Максимилиан титулуется «маркизом Моравии», хотя тут необходим привычный перевод «маркграф Моравии» (С. 231). Иоганн Вессель (С. 266) на той же странице обозначен как Везель.

Наконец, следует отметить, что некоторые разделы, особенно характеризующие состояние гуманистической литературы, выглядят слишком перегруженными подробностями, подчас формально представленными, утомляющими читателя и невольно создающими впечатление о некой мозаичности всего большого труда.

Но все указанные замечания не снижают общей высокой оценки диссертации.

Основные выводы диссертационной работы получили апробацию в многочисленных публикациях И.Е. Андропова - в ведущих отечественных и зарубежных изданиях.

Автореферат в полной мере отражает структуру и основное содержание диссертации И.Е. Андропова

В диссертации решена крупная научная проблема, содержание и форма исследования полностью соответствуют критериям, предъявляемым к научно-квалификационной работе, представленной в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора наук, определяемым в «Положении о порядке присуждения ученых степеней» Правительства Российской Федерации. Автор безусловно заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования .

Доктор исторических наук, профессор кафедры истории средних веков
Института истории Санкт-Петербургского государственного университета
(А.Ю. Прокопьев)

Подпись

Ваш. нач. Института

20.11.16.